12+

Нина Стефанович

ГОРОД НА СКАЛЕ ИЛИ ПЕСКЕ

Нина Стефанович
Город на скале или песке

https://litres.ru/74757559
ISBN 9785007151320

Аннотация

Каждый наш выбор, страх или надежда — это кирпич в стене города, в котором живет наша душа. На каком основании мы возводим свои стены? Книга приглашает читателя в прогулку по двум столицам — городу на песке и крепости на скале. Через истории обычных людей — книга показывает, как выглядит наша внутренняя архитектура в глазах Бога.

Содержание

Вступление 5
Часть 1. География сердца. Начнем строить 9
Глава 1. Иллюзия контроля 9
Глава 2. Выбор участка. Песок похвалы, карьеры и комфорта 15
Глава 3. Разрешение на строительство 20
Глава 4. Межевание 25
Часть 2. Город на песке 30
Глава 5. Кривые зеркала небоскребов 30
Глава 6. Департамент вечной тревоги 35
Глава 7. Система водоснабжения 41
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Город на скале или песке

Нина Стефанович

© Нина Стефанович, 2026

ISBN 978-5-0071-5132-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Представьте на минуту, что каждый из нас — это город.

Город одних из нас — это впечатляющая крепость, построенная на песке из собственных амбиций. Стены здесь высокие, ворота всегда на засове, а на смотровых башнях день и ночь дежурит паранойя. Главная площадь вымощена страхом, а в самом центре, на золотом постаменте, стоит идол — огромное зеркало. Жители этого города проводят там всё свое время. Они часами полируют его, поправляют прически, репетируют улыбки и спорят, чье отражение в стекле выглядит более успешным.

Солнце над этим городом светит ярко, обжигающе. Вечером холодный, искусственный свет неоновых вывесок. Днем здесь шумно от бесконечной суеты, но с наступлением сумерек город погружается в тяжелую, звенящую тишину. Ночью ветер свободно гуляет по его пустым проспектам, потому что в домах нет хозяина. Жители запираются в своих квартирах, прижимая к груди дипломы, банковские выписки и списки достижений, и до утра прислушиваются к каждому шороху за дверью. Они знают: если их стены дадут трещину, если зеркало разобьется, если иссякнут их собственные силы — город рухнет. А силы здесь имеют свойство иссякать. Поэтому по утрам на лицах горожан всегда лежит тонкий слой пепла вчерашней усталости.

А теперь перенесемся в город других из нас.

Снаружи он может выглядеть совсем не так внушительно. Его стены местами покрыты шрамами от былых бурь, а камни мостовой стерты от тысяч шагов. В этом городе тоже есть свои трущобы — темные переулки старых привычек, куда жители иногда по ошибке сворачивают. Но над главными воротами этого города нет амбарного замка. Они всегда распахнуты настежь. В центре площади здесь нет зеркала. Там бьет неиссякаемый Источник.

Жители этого города знают главное правило: они не строят этот город сами. Они — лишь его обитатели, а Архитектор и Хозяин живет прямо посреди улиц. Он сам — фундамент, на котором стоят дома, и свет, который никогда не гаснет в фонарях. Когда приходит засуха, горожане не роют в панике пересыхающие колодцы своей гордости. Они просто приходят к Источнику с пустыми кувшинами. Когда на город обрушивается ураган, они не пытаются подпереть падающие балки собственным плечом. Они прячутся в Крепости, которая держит сама себя.

Жители этого города тоже устают. Они тоже ошибаются, роняют инструменты и иногда ссорятся на рыночных площадях. Но их усталость не приводит к отчаянию. Вечером они не прижимают к груди свои заслуги — они складывают их к ногам Хозяина. Они засыпают в мире, потому что знают: пока они спят, городская стража не дремлет. Этот город стоит на Скале.

Разница между этими двумя городами лучше всего видна на закате.

В первом городе, городе-крепости, закат вызывает панику. Ночь несет с собой угрозу, одиночество и вопрос: «Достаточно ли прочны мои стены, чтобы пережить темноту?» Фонари здесь горят тускло и постоянно моргают, пытаясь сэкономить остатки собственного масла.

Во втором городе закат — это время смены караула. Жители смотрят, как гаснет уходящее солнце, и улыбаются. Они знают, что их Город не зависит от дневного светила. Ночь для них — это просто другой режим освещения, при котором становится виднее сияние Источника на площади. Их фонари горят ровно и тепло, потому что масло в них подливают не они сами.

Контраст на рассвете. Утром после бури разница становится абсолютной. В Городе-крепости выходят на улицы, чинят сорванные ставни, перевязывают раны, делятся запасами из общих хранилищ и благодарят за то, что выстояли. Их город от этого становится только крепче. В Городе на песке люди просыпаются среди обломков и понимают, что восстанавливать нечего — строить на этом месте снова означает лишь обречь себя на новое крушение.

Один город стоит, потому что держится за Скалу, которая не сдвинется вовек. Другой рассыпается в пыль, потому что его архитектор пытался подменить вечный камень собственным тщеславием.

Один город живет, чтобы защитить себя. Другой — живет, чтобы принимать Того, кто его защищает. И когда на оба города опускается тьма, в первом до утра лихорадочно латают дыры в стенах, а во втором — просто зажигают свет в окнах, зная, что главная Стена стоит нерушимо.

В городах есть жители, которые способствуют строительству и развитию городов, или ведут их к разрушению. Если вы кого-то узнали в героях книги, все сходства с вами, или вашими близкими совершенно случайны. Эти люди выбрали свой путь. Автор нашей жизни стоит на холме в сумерках и видит перед собой две долины. В одной сияет иллюминация огромного города, в другой горит лишь несколько огней в окнах старой крепости. Это метафора выбора, который каждое мгновение делает человеческое сердце. Каждый из нас выбирает какой город строить и в каком жить.

Часть 1. География сердца. Начнем строить

Глава 1. Иллюзия контроля

Каждое утро я просыпаюсь с чертежным угольком в руке. Мои города — это я. Они вырастают из тумана моей души, и я наивно полагаю, что держу в руках абсолютную власть над их судьбой. Я — главный архитектор.

Я стою на вершине холма, где бьется мой пульс, и смотрю на бескрайнюю пустошь собственного сердца. Здесь будет заложен первый камень. Я натягиваю бечевку, вбиваю колышки амбиций и провожу жирную черту: «Здесь встанет Башня моих достижений. Ее шпиль пронзит облака, и все увидят, чего я стою». Я вычерчиваю широкие проспекты для моего эго, по которым так приятно мчаться в золотой колеснице самодовольства. Я размечаю Рыночную площадь, где буду торговать своим временем, обменивая его на чужое восхищение. Я возвожу высокие, неприступные стены вокруг Садов моей уязвимости, чтобы ни один чужак не разглядел, как там, в тени, гниют нераскаянные обиды.

Я работаю самозабвенно. Мои ладони в мозолях от бесконечных «я должна», «я смогу», «я справлюсь». Я сама ме-

шаю раствор из гордости и страха, сама обтесываю гранит своего упрямства. Я диктую смету, назначаю сроки, нанимаю подрядчиков — лесть, гордыню и суету. Я смотрю на свои чертежи, и в груди разливается пьянящее тепло. Иллюзия контроля пьянит лучше старого вина. Мне кажется, что я сама зажигаю солнце над своими кварталами и сама опускаю лунный якорь в море моих снов.

Но география моего сердца коварна. Она живет по своим, не нанесенным на мои карты планам. Вчера я с гордостью открывала новый проспект Успеха, а сегодня проснулась от подземного толчка. Трещина. Она змеится от самого фундамента Башни моих достижений, рассекая ее пополам. Я бросаюсь с мастерком, пытаюсь замазать ее свежим раствором, но земля под ногами продолжает дрожать, и мне неприятно. Откуда эта сейсмическая активность? Я не закладывала ее в проект!

Я бегу к своим неприступным стенам, но они почему-то осыпались. Ветер, которого не было на моих планах, сорвал черепицу с крыши моего Достоинства. Ливень чужого предательства размыл дороги, которые я так старательно мостила своим самомнением. Мои идеально прямые углы поплыли, принимая уродливые формы. Город, который я строила годами, за одну ночь превращается во что-то, что я не планировала.

И посреди этого строительного мусора, задыхаясь от пыли и обиды, я вдруг понимаю страшную вещь. Я никогда не бы-

ла главным архитектором. Я была лишь прорабом на чужой площадке. Я лишь переставляла мебель в комнатах, фундамент которых заливал Другой.

Кто держит мой отвес, когда я строю? Я оглядываюсь по сторонам, ища невидимого Инженера. Мой отвес — в Его руках. Тот самый отвес, о котором говорил пророк Амос: **«Вот, Господь стоял на отвесной стене, и в руке у Него отвес» (Амос 7:7).** Он не кричит мне с небес, не вырывает угольник из моих побелевших пальцев. Он просто стоит и смотрит. Он ждет, когда я сама опущу руки. Он ждет, когда рухнет моя кривая Башня Вавилона, чтобы на ее месте я позволила Ему возвести Дворец для поклонения.

С чего начинается настоящая стройка? Она начинается с первого камня, начинается с тишины, с общения с Ним. С того момента, когда ты перестаешь размахивать своими чертежами перед Лицом Вечности. Когда ты признаешь слова Псалмопевца: **«Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» (Псалом 126:1).**

Стройплощадка моего сердца начинается с котлована покаяния. Нужно спуститься в эту холодную, сырую яму, где из-за отсутствия солнечного света моего эго, замерзли слезы. Нужно признать, что мои прямые углы — на самом деле кривые, а мои самые прочные стены построены из самонадеянности. Нужно отдать Ему не просто смету, а весь свой замусоренный участок. И тогда приходит Главный Архитектор.

Он не приносит с собой мой старый, заляпанный грязью план. Он разворачивает Свой — совершенный, начертанный еще до создания мира. Он берет мой кривой отвес и прикладывает его к горизонту моей души. **«Я — испытующий сердце и внутренности» (Откровение 2:23)**, — говорит Он. И там, где мой отвес показывает опасный перекос гордыни, Он не ломает стену. Он подводит под нее Свой незыблемый фундамент. **«Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Коринфянам 3:11).**

Он строит иначе. Вместо гранита самодовольства Он кладет тесаные камни милости. Вместо раствора из страха Он использует скрепляющую смесь благодати. Его улицы широки для прощения, а в его парках поют птицы, о которых я даже не смела мечтать, запирая себя в душном офисе суеты. Он возводит не крепость для обороны от мира, а дом с распахнутыми дверями, где **«обителей много» (Иоанна 14:2).**

Мой город — это по-прежнему я. Мои улицы пахнут моей усталостью, мои фонари светят моим опытом, а в моих переулках до сих пор прячется тень моего страха. Но теперь у этого города есть Хозяин. Я больше не сжимаю в кармане фальшивые ключи от главных ворот. Я просто вхожу. Я смотрю, как Он кладет очередной кирпич в стену моего характера, и этот кирпич причиняет боль, потому что Он обтесывает мои острые края. Но я молчу, я выстою. Потому что теперь я знаю: Тот, Кто держит мой отвес, никогда не оши-

бается в геометрии вечности. И самая великая иллюзия контроля — это верить, что ты когда-либо контролировала хоть что-то, кроме собственного сопротивления Его руке. Сопротивление окончено. Краеугольный камень положен. Стройка продолжается. **«Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение» (1 Коринфянам 3:9).**

Хозяин подается вперед, и тысячи людей подаются вместе с Ним, боясь пропустить хоть один слог. И я слушаю Его вместе со всеми.

— Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне, — говорит Он, и Его рука указывает на серую, изрезанную ветрами скалу у подножия горы. **— И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке.**

Безрассудному. Какое точное слово. Я тоже слушаю Нагорную проповедь. Слушает и хозяин дома, который только возвел свой дом. Впитал, как губка слова Исуса. Но не исполнил. Его праведность была тонким слоем штукатурки поверх стен этого дома. **«…И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое».** Это рухнули иллюзии. Это погребальный колокол по той жизни, которая казалась такой

незыблемой в солнечный день. Великое падение — это когда ты остаешься нагишом перед лицом вечности, а твой карточный домик из самооправданий смывает в серую грязь. Иисус переводит взгляд с горных вершин прямо в наши зрачки. Дождь Его слов перестает быть просто историей. Он спрашивает без слов: «А что строит твое сердце, пока мы сидим здесь? Ты просто слушаешь? Или ты уже копаешь?»

Потому что Царство — это не адрес. Это не далекий сияющий город на холме, ключи от которого выдадут только после смерти. Оно находится прямо здесь.

— Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть, — говорит Он в другой раз, уводя учеников от фарисейских споров о картах и границах **(Луки 17:21).**

Оно уже здесь. Оно — в том самом камне, который вы решите положить в грязь своего понедельника, простив того, кто не просил прощения. Оно — в той крошке хлеба, которую вы отломите для голодного, переступив через свою усталость.

Каждый из нас сейчас пойдет к себе, размышляя о Нагорной проповеди. К своему дому. К своему внутреннему фундаменту. Кто-то пойдет копать до камня. Кто-то — утаптывать песок. У каждого свобода выбора.

Глава 2. Выбор участка. Песок похвалы, карьеры и комфорта

Утро выдалось обманчиво ясным. Солнце, этот великий иллюзионист, заливало золотом горизонт, и воздух пах свежестью и новыми возможностями. Я стояла на краю своей жизни с новеньким, остро отточенным карандашом и кипой чертежей под мышкой. Мне было сорок, и я твердо решила, что пора. Пора строить дом для своей души, я созрела.

Передо мной простиралась долина. Слева, до самого изгиба реки, раскинулась бескрайняя, ласковая равнина. Местные риелторы — а их набежало много, сверкая белозубыми улыбками — называли этот участок «Золотым побережьем амбиций». Я шагнула на него, и кроссовки утонули в мелком, теплом песке. О, какой это был песок! Песок похвалы. Он состоял из тысяч микроскопических зеркалец, в каждом из которых отражалось мое лицо. Стоило мне сделать шаг, как песок тихонько вздыхал: «Браво… Ты заслужила это… Ты — лучшая!». Я зачерпнула его горстью. Он струился сквозь пальцы, сухой и легкий, как шепот аплодисментов, от которых радуется сердце. Из этого песка карьера строила свои небоскребы. Он обещал мне пентхаус с панорамными окнами, где каждое утро я буду видеть восход солнца над головами менее удачливых соседей.

— Идеальный грунт, — щебетал Агент в дорогом костю-

ме, протягивая мне стакан ледяного лимонада. — Никаких усилий. Копнул лопатой — и уже по колено в признании. Заливайте бетон вашего комфорта, ставьте панорамные окна вашего успеха. Соседи здесь сплошь генеральные директора, успешные люди, и Вы не прогадаете, выбрав именно этот участок.

Я посмотрела направо. Там, в километре от нас, возвышался каменистый уступ. Ветер на нем не пел, а выл. Солнце не грело, а безжалостно жгло голую, серую породу. Никакой травы, никаких зеркальных песков. Только Скала. Древняя, испещренная шрамами времени, твердая, как незыблемое «нет» и непреклонное «да» Бога.

— Там ничего не растет, — поморщился Агент, проследив мой взгляд. — Сплошная морока. Замучаетесь бить сваи. Ни бассейна, ни ландшафтного дизайна. К тому же, по местным преданиям, во время ливней вся вода долины устремляется именно туда. Если построитесь на камне, рискуете каждую ночь слушать, как над вашей головой ревет потоп.

Но я не могла отвести глаз от Скалы. В ее серой толще мне чудилась надежность. Песок под моими ногами вдруг показался зыбким. Я представила свой будущий дом: три этажа из стекла и мрамора, гараж на три машины, умный дом, который варит кофе по хлопку. Я представила, как сижу на террасе, а внизу, у подножия моего успеха, бушует река жизни. И вот небо темнеет. Тучи набежали внезапно, словно кто-то

задернул небесный занавес. Первые капли ударили по моим чертежам.

На песке похвалы вода собралась мгновенно. Она не уходила вглубь, ей некуда было идти. Песок — великий эгоист, он не умеет впитывать чужую боль или влагу небес. Вода поднялась, закружилась мутными воронками, и фундаменты тысяч таких же успешных домов, которые я видела вокруг, начали трещать. Песчаные карьеры обваливаются в одночасье. Я увидела, как соседний «пентхаус признания» накренился, и панорамные окна со звоном рухнули в пучину. Песок похвалы, карьеры и комфорта мгновенно превратился в зыбкую трясину. Он обещал держать меня на плаву, но засасывал.

И здесь вдруг я вспомнила: **«А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Матфея 7:26—27).**

Я перевела взгляд на Скалу Завета. Ливень хлестал по ней, превращаясь в водопады, но камень даже не дрогнул. Вода обтекала его, бессильно пенилась у подножия и уносилась прочь, в долину. Скала не обещала комфорта. Она обещала остаться на месте, когда мир поплывет. Она не отражала мое лицо, она отражала вечность.

Я бросила стакан с лимонадом в песок. Он утонул бес-

следно.

— Я беру участок на Скале, — сказала я ошеломленному Агенту.

— Но там же… там нет инфраструктуры! — выдохнул он. — Ни похвалы, ни быстрых денег! Вы будете мокнуть под дождем!

— Зато я буду стоять, — ответила я, сворачивая чертежи дворца.

Мы забивали первые сваи под проливным дождем. Мои руки покрылись кровавыми мозолями. Камень не поддавался. Каждая опора давалась не похвалой начальника, а молитвой сквозь стиснутые зубы. Песок Завета — это всегда шея, склоненная в послушании, это колени, стертые о камень пола. **«Ибо сказано в Писании: вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится» (1 Петра 2:6).**

Мой дом на Скале Завета получился небольшим. В нем нет лифта и гаража на три машины. Иногда в окна бьется ветер, и крыша протекает, когда небеса плачут о грехах этого мира. Но когда реки выходят из берегов — а они выходят из них с пугающей регулярностью — я не бегу по лестнице вниз, спасая остатки репутации. Я просто наливаю себе горячего чая, сажусь у окна и слушаю, как внизу, в долине, с оглушительным грохотом рушатся стеклянные дворцы.

Мой дом стоит. И знаете, что самое удивительное? В его маленьких окнах по утрам отражается такое солнце, како-

го никогда не увидишь из пентхауса. Потому что Скала Завета — это не просто камень. Это **«Тот, Кто есть, и Кто был, и Кто грядет» (Откровение 1:8).** И строить на Нем — значит строить не просто жилище, а вечность. **«Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Коринфянам 3:11).**

Вы тоже стоите сейчас со своими чертежами в руках. Посмотрите себе под ноги. Что там? Теплая, податливая похвала этого мира, которая утечет сквозь пальцы при первом же серьезном ливне? Или холодная, неудобная, но незыблемая Скала? Выбор участка — это самый долгий день в вашей жизни, и самый важный. Стройте на Скале. **«Мудрый боится и удаляется от зла, а глупый раздражителен и самонадеян» (Притчи 14:16).** Выкопайте котлован поглубже. Работа будет тяжелой. Но когда придет потоп, а он обязательно придет, вы поймете, что тяжелейшая работа на камне — это и есть единственный рай на земле. Или вы уже поняли?

Глава 3. Разрешение на строительство

Вы пытаетесь получить разрешение на строительство, бегаете как заведенный, предлагаете поработать на разгрузке, заплатить за доставку материалов, обещаете больше никогда не халтурить на кладке, но Главный лишь улыбается, поправляет каску и цитирует Главный Строительный Кодекс: **«Благодатию вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Ефесянам 2:8—9).**

Вам не нужно покупать этот гранит на каменоломне собственного отчаяния. Вам не нужно нанимать баржи, чтобы переправить его через реки ваших слез. Вам не нужно платить по счетам, выставленным законом.

Благодать — это когда Небесный Архитектор видит вашу пустую, заросшую бурьяном стройплощадку, кивает на ваш безнадежно испорченный чертеж, а затем говорит: «Я не просто разрешаю тебе строить. Я привезу тебе всё. От первого углового камня до последнего золотого гвоздя. Я оплачу доставку Собой. Твоя задача — только принять груз и позволить Мне стать Главным Инженером». **«Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение» (1 Коринфянам 3:9).**

И пока вы стоите в изумлении, разглядывая бесконечные

фуры, Архитектор уже сам надевает рабочий фартук, берет мастерок, замешивает раствор Своей вечной любви и начинает кладку. Он строит не просто сарай для вашего временного уюта. Он возводит Храм. И смета этого строительства оплачена в пятницу, на Голгофе, за девятнадцать столетий до того, как вы впервые взяли в руки карандаш, чтобы набросать свой жалкий эскиз.

Благодать — это не виза. Это сам строительный материал, прибывший точно в срок. **«Вот, Я положу в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится» (1 Петра 2:6).**

Это проект Небесного Архитектора: почему благодать — это не просто одобрение сметы, а бесплатная доставка гранита. Мы привыкли думать о благодати как о сухой печати на пожелтевшем пергаменте. Небесный Инспектор, нахмурив брови, обходит нашу стройплощадку, качает головой, глядя на кривые стены нашего эгоизма и фундамент из сырой глины, а затем вздыхает, достает из нагрудного кармана печать и с тяжелым стуком ставит штамп: «Одобрено». Мы выдыхаем. Проект легализован. Бумажная волокита закончена. Мы спасены от сноса. Но это лишь половина правды, и самая тусклая ее половина.

Вспомните Давида. Он стоял на гумне Орны, и его сердце уже носило в себе чертежи. Великий Храм. Святилище из ливанского кедра, стены из кипариса, полы из золота. Давид собрал сто тысяч талантов золота и миллион талантов сереб-

ра. Он нанял каменотесов, плотников и медников. У него была безупречная смета и стопроцентное одобрение свыше. **«И сказал Давид: «Вот, я живу в доме кедровом, а ковчег завета Господня под шатрами» (1 Паралипоменон 17:1).** Но Господь вызвал его в небесный кабинет и сказал то, от чего у любого архитектора опускаются руки: **«Ты не построишь дома имени Моему… потому что ты пролил много крови на землю предо Мною» (1 Паралипоменон 22:8).**

Представьте эту сцену. Вы годами чертили планы. Вы знаете каждый угол, каждую розетку, каждую высоту потолка. Вы готовы. У вас есть руки, есть чертежи, есть даже деньги. Но у вас нет самого главного. У вас нет камня. **«Камень, который отвергли строители, соделался главою угла» (Псалом 117:22).**

Мы — те самые строители. Мы смотрим на свои грехи, на свои провалы, на свою душевную нищету и видим лишь бесформенные глыбы, неподъемный материал. Мы пытаемся расколоть их своими силами, бьем по ним кайлом самобичевания, пытаемся обтесать их правилами и постами. Но камень крошится, летит нам в лицо, а глыба остается на месте. Мы не можем доставить этот гранит на свою стройплощадку. Наши духовные самосвалы безнадежно увязли в трясине.

И тогда на сцену выходит благодать. Она не просто ставит печать на ваш проект. Она присылает флотилию. Утром вы выходите на крыльцо своей измотанной души, ожидая уви-

деть лишь грязь и брошенные инструменты, но вместо этого слышите тяжелый, вибрирующий гул. Земля подрагивает. К воротам вашего сердца сворачивает бесконечная колонна.

Первый грузовик — цвета запекшейся крови. Борта его исписаны не вашей фамилией, а именем Другого. Это гранит Искупления. Он идеально ровный, без единой трещины, потому что его уже раскололи за вас. **«Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис. 53:5).** Водитель спрыгивает на землю. Вы подбегаете к накладной, ожидая увидеть шестизначную сумму, от которой остановится сердце. Но графа «К оплате» девственно чиста.

Следом подъезжает фура, груженная массивными плитами. Это белый мрамор Праведности. Он ослепительно сияет на утреннем солнце. Вы смотрите на свои руки — они по локоть в строительной пыли, под ногтями чернозем ваших вчерашних ошибок. Но плиты, которые рабочие начинают укладывать в основание вашего нового сердца, сияют стерильной, операционной чистотой. Это не вы их отмыли. Это **2 Коринфянам 5:21: «Не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом».** А дальше — нескончаемый поток.

Подъезжают еврофуры с ливанским кедром — ароматом молитвы, который не выветривается ни в какие штор-

мы. **«Кедры Ливанские, которые насадил Он» (Псалом 103:16).** Везут чистое золото — веру, которую невозможно подделать. **«Чтобы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего золота» (1 Петра 1:7).** Самосвалы вываливают целые горы отборного просеянного песка — детскую простоту доверия, на которой только и держится всё здание. **«Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Матфея 18:3).**

Вы приготовились войти? Так выглядит разрешение на строительство твоего и моего сердца — это благодать.

Глава 4. Межевание

Где проходят границы вашей души и почему без заборов город превращается в проходной двор? Размышляли над этим?

Представьте на мгновение Иерусалим. Не тот, что смотрит на нас с пыльных туристических открыток, а тот, библейский, белокаменный, пульсирующий в самом сердце Иудейской пустыни. Встаньте на рассвете на Масличной горе и посмотрите на него. Что вы видите? Вы видите камень, вы видите стену. Вы видите, не просто архитектурное излишество, а дерзкое заявление о праве на жизнь. Первой его задачей было возведение стены. **«Мы, однако, будем строить стену», — бросил он в лицо насмешникам (Неемия 4:6).** Почему? Потому что город без стены — это не город, это проходной двор. Это мираж, в котором любой караван разбойников может вытоптать виноградники, угнать скот и выжечь колодцы. Без забора нет безопасности. Без ворот нет порядка. Без стражи на башнях нет будущего. Под руководством Неемии строительство стен Иерусалима было совершено всего в пятьдесят два дня.

Ваша душа — это такой же город. В **Псалме 47:13—14** о нем сказано прямо: **«Пойдите вокруг Сиона и обойдите его, пересчитайте башни его; обратите сердце ваше к укреплениям его, рассмотрите домы его, чтобы пе-**

ресказать грядущему роду». Давид не просто приглашает нас на экскурсию. Он велит нам провести инвентаризацию. Поднимитесь на стены своей души, загляните в бойницы. Где прохудилась кладка? В каком месте осыпался раствор? Где изъяны, где разрушения?

Здоровые границы — это не кирпичи эгоизма. Это не гордыня, не ледяное высокомерие и не желание отгородиться от мира глухой китайской стеной. Границы — это мудрость. Это те самые камни, которые не впускают в ваш внутренний покой ядовитую слюну чужого осуждения, липкую грязь манипуляций и ледяной сквозняк чужого отчаяния. Без этих границ ваша душа превращается в ту самую площадь у городских ворот, где вечно галдит базар. Туда врывается всякий, кому не лень. Первый торговец швыряет вам в лицо свое разочарование, и вы, не имея забора, впитываете его как губка. Вторая соседка выливает на ваши плечи ведро своих страхов, и вы трясетесь от чужой лихорадки. Третий прохожий оставляет у порога вашего сердца свои непогашенные долги, и вы внезапно просыпаетесь с чувством вины за то, чего не совершали. Вы читаете ленту новостей, где все плохо. И видите чужой успех, не вызывает он зуд зависти?

Вы становитесь проходным двором. Ваши внутренние сады вытоптаны. Ваш колодец с живой водой замусорен чужими окурками. Вы пытаетесь напоить весь мир из своей единственной чаши, пока она не пойдет трещинами и не опустеет до самого дна. Вы отдаете свое время, свои слезы, свои

молитвы и свой сон, а в ответ получаете лишь новые требования. Так тоже случается. Где же проходят эти здоровые границы? Они проходят там, где заканчивается ваша ответственность и начинается ответственность Бога. Это самая важная демаркационная линия на карте вашей жизни.

Вспомните Марфу. Когда Иисус пришел в Вифанию, она распахнула ворота своей души настежь. Она впустила толпу, суету, жар очага, накрытые столы и бесконечные «Марфа, а где салфетки?» «Марфа, еще водички, пожалуйста!». Она стала проходным двором. А Мария? Мария провела границу. Она села у ног Иисуса, и весь галдящий мир для нее перестал существовать. **«Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно» (Луки 10:41—42).** Одно только нужно — провести границу. Сказать суете: «Сегодня ты не войдешь в мой внутренний храм». Есть время, когда только ты и Он.

Граница проходит там, где вы перестаете быть волшебником, соломкой, которую подстилают бесконечно, когда падают ваши взрослые дети. Вы можете молиться за них, вы можете любить их, но вы не можете за них каяться. Вы не можете нести крест, который Бог велел нести им. Когда вы взваливаете на плечи их грехи, вы рушите свою стену. Вы выходите за пределы, очерченные для вас Пастырем, и превращаетесь в жертву, пытаясь спасти пирата, который сам выбрал свой тонущий корабль.

Граница проходит там, где вы отказываетесь быть мусор-

ной корзиной для чужого гнева. **«Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем» (Ефесянам 4:26).** Это не просто совет по управлению эмоциями. Это инструкция по обороне города. Если вы впускаете чужой гнев и оставляете его на ночь в своей казарме, к утру он отравит всю воду. Вы имеете право закрыть ворота. Сказать: «Я люблю тебя, но твой крик не переступит порога моего сердца».

Проверьте свои укрепления. Посмотрите на свои утренние часы. Кто первым входит в ваш город? Новости, от которых сводит живот? Социальные сети, где каждый второй — прокурор, а каждый третий — жертва? Или вы сначала возводите на стене своей души знамя: **«Се, стою у двери и стучу» (Откровение 3:20)**? Вы впускаете Христа, а всех остальных оставляете за воротами до тех пор, пока не наденете доспехи. Облекитесь во **«всеоружие Божие» (Ефесянам 6:13),** прежде чем открывать калитку. Без этой защиты вы — легкая добыча.

Посмотрите на свой язык. Он — страж у главных ворот. **«Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело» (Иакова 3:2).** Если ваш язык впускает сплетни, он открывает заднюю калитку для осады. Если он извергает яд, он сам поджигает собственные житницы.

Город без заборов — это братская могила для чужих ожиданий. Вы пытаетесь угодить всем, и в итоге предаете Того, Кто создал вас для Себя. Вы сгораете в служении людям, за-

быв о служении Богу, и от вашей души остается лишь пепелище, на котором пляшут чужие демоны.

Возведите стену. Не из высокомерия, а из послушания. Поставьте ворота. Не из жестокости, а из верности. Назначьте стражу. Не из страха, а из любви к Тому, Кто однажды придет не караваном разбойников, а законным Царем, и Ему не должно быть стыдно за руины вашего внутреннего сердца.

Пусть ваш город будет открыт для милости, но закрыт для разрушения. Пусть ваши ворота будут из чистого жемчуга — прозрачными для света Небесного Иерусалима, но абсолютно непроницаемыми для тьмы. Проверьте замки. Подтяните болты. Ведь драгоценна в очах Господа ваша душа, и Он — Великий Строитель, Который знает, где именно должен лечь каждый камень вашей защиты. Город без заборов обречен на забвение. Город с крепкой стеной — на вечность. Разве вы не хотите, чтобы ваше сердце было укреплено, как город-крепость?

Часть 2. Город на песке

Глава 5. Кривые зеркала небоскребов

Наше время — это эпоха грандиозных фасадов. Мы живем в городах, пронзающих облака, где сталь и стекло сошлись в вечном, холодном танце. Небоскребы стоят плечом к плечу, словно великаны на смотре тщеславия, и каждое их окно — это кривое зеркало. Оно ловит чужой закат, преломляет его, накидывает сверху пару цифровых этажей и швыряет обратно. Мы смотрим на отражение соседа, и нам кажется, что его жизнь — это сплошной пентхаус с панорамным видом на вечность. И в городе масса таких домов, с подвалами, в которые не попадает свет.

Мы выбиваемся из сил, чтобы наш собственный фасад не ударил в грязь лицом. Мы берем кредиты на гранитную плитку, которой никогда не коснется нога хозяина дома. Мы вешаем на окна шторы, цена которых равна годовому бюджету маленькой деревни, и задергиваем их, чтобы никто не увидел, как мы едим вчерашний суп прямо из кастрюли. Мы часами полируем эту гранитную скорлупу, наводим глянец на свою биографию в социальных сетях, выставляя вперед только парадные фотографии.

Иисус смотрел на таких строителей две тысячи лет на-

зад. Он стоял в иерусалимском дворе, смотрел на фарисеев, чьи одежды были оторочены голубыми кистями, а лбы лоснились от масла, и говорил слова, от которых стынет кровь: **«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (Матфея 23:27—28).**

Окрашенные гробы. Какая страшная, пронзительная метафора. Мы тратим тонны белой краски на свой внешний склеп, нанимаем лучших маляров, чтобы скрыть пятна тления, покупаем дорогую латунь для дверных ручек своей могилы. Мы строим фасад для соседей. Мы хотим, чтобы брат с третьего этажа думал, что у нас нет проблем с ипотекой. Мы хотим, чтобы сестра из воскресной школы верила, что наш брак — это непрестанный медовый месяц. Мы так боимся их осуждения, что готовы похоронить себя заживо под тяжестью собственного мрамора. Но Господь смотрит не на фасад.

Он смотрит на подвал. А в нашем подвале — потоп. Там, в темноте, куда не добивает свет дорогих люстр, по колено стоит черная, застоявшаяся вода. Там гниют старые обиды на отца, которые мы так и не отпустили. Там ржавеют пружины невысказанной зависти к другу, купившему новую машину. Там, в самом дальнем углу, подпирая сырую стену,

стоит скелет нашей тайной похоти или парализующего страха. Мы спускаемся туда только по ночам, когда гаснет свет в кривых зеркалах напротив. Мы садимся на край прогнившей ступеньки, обхватываем колени руками и беззвучно воем в бетон. А утром, вытерев слезы рукавом, мы снова натягиваем улыбку, берем в руки банку с золотой краской и идем подновлять фасад.

«Ты испытал меня, и не знаешь; испытал сердце мое и знаешь, что на пути моем нет лукавства», — писал Давид (Псалом 138:1—2). Но лукавство есть. Оно живет в нашем подвале, и запах его просачивается сквозь половицы. Рано или поздно паркет на первом этаже начнет вздуваться.

Я знаю одну женщину. Назовем ее Виталиной. Виталина — ходячий билборд успеха. Ее костюм сшит по мерке, ее улыбка слепит белизной, а ее речи на планерках полны такой железобетонной уверенности, что стены офиса, кажется, становятся на пять сантиметров толще. Соседи по парковке цокают языками, глядя на ее автомобиль. Она постит в сеть букеты, которые ей дарит муж, и пишет о своем «несокрушимом мужчине». Она не покупает вещи или продукты в дешевых магазинах. Нет, нет, «Фиксцена», это не ее магазин.

Но я знаю, где находится подвал Виталины. В прошлую пятницу, я встретилась с Виталиной, когда город уже зажег уличные фонари. Она сидела прямо на холодной бетонной скамье, привалившись на свою правую руку. Костюм был из-

мят, слезы текли черной струей и размазывались по лицу. Кривые зеркала небоскреба отражали спящий город, но Виталине некуда было отражаться. Ее фасад треснул. Она подняла на меня глаза, в которых не было ни капли глянца, и прохрипела, всхлипывая: «Я не могу больше. Я просыпаюсь в пять утра от панических атак. Я ненавижу свою работу. Я не знаю, о чем говорить с собственной дочерью. Но если я остановлюсь, если они увидят, что королева сдалась… этот фасад меня раздавит. Эта плита просто рухнет мне на грудь».

Виталина построила роскошный мавзолей, но забыла, что жить в нем невозможно. Она так долго красила свой гроб, что сама начала задыхаться от запаха свинца. **«Что пользы человеку приобрести весь мир, а душе своей повредить?» (Марка 8:36).**

Мы тратим жизни на то, чтобы убедить прохожих, что наш подвал — это еще один винный погреб, отделанный дубом. Мы ставим на окна подвала чугунные решетки, вешаем на них кашпо с искусственными орхидеями, и делаем вид, что там, внизу, пахнет корицей, а не плесенью. Мы забываем, что Архитектор Вселенной не нуждается в наших чертежах. Ему не нужен наш гранит. Он ищет тех, кто готов признаться в сырости своего подвала. **«Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Иоанна 1:9).**

Очистит. Не закрасит новой краской, не обошьет свежим сайдингом. Очистит. Он спускается в наш сырой, темный,

провонявший страхом подвал. Он не морщит нос от запаха плесени. Он берет ведро, тряпку и начинает вычерпывать эту черную воду. Он выносит сгнившие обиды и ржавые страхи на свет. Перестань полировать гранит. Оставь банку с золотой краской прямо здесь, на крыльце. Сходи в подвал. Открой скрипучую дверь. Пусть туда хлынет свет. Это страшно, это пахнет совсем не так, как прекрасный твой небоскреб. Но только там, в темноте, очищенной Его присутствием, и начинается настоящая, дышащая, живая стройка.

А фасад… Пусть сосед смотрит на свое кривое зеркало. Тебе больше не нужно в нем отражаться. Настоящий дом строится не вверх, к пентхаусам чужого одобрения, а вглубь — к прочному, честному фундаменту. И когда последняя банка краски будет забыта на ступенях, ты вдруг поймешь: только спустившись на самое дно своего подвала, ты впервые по-настоящему встал на твердую землю.

Глава 6. Департамент вечной тревоги

В городе Страхе никогда не идет дождь. Небо над ним вечно затянуто свинцовой, глухой пеленой, которая не проливается влагой, но давит на черепные коробки, как свинцовый колпак. Здесь не бывает ни зимы, ни лета — здесь царит вечный ноябрь души. Улицы вымощены не булыжником, а хрустом суставов. Каждый шаг горожанина отзывается сухим треском лопнувшего нерва.

Мэр этого города — человек, чье имя давно стерлось из городских реестров, уступив место должности. Его кабинет находится на самой вершине Башни Обзора, самой высокой точки города. Но Мэр никогда не смотрит из окна на горизонт. Его взгляд прикован к полу. Он ползает на коленях, часами ощупывая швы между дубовыми досками.

— Скрипит, — бормочет он, и в его горле клокочет застарелый ужас. — Третья доска от камина. Она скрипит на полтона выше, чем вчера. Это знак.

Мэр спит в пожарном шлеме. Подушка ему не нужна — его голова покоится на сдутом автомобильном колесе, потому что пружины матраса, по его глубокому убеждению, однажды сработают как катапульта и выбросят его прямо в лапы ночных кошмаров. Каждое утро, прежде чем открыть глаза, он нащупывает на прикроватном столике тяжелый амулет и трижды стучит им по шлему. На удачу, на то, чтобы день не

рухнул.

Его борода растет со скоростью паники. Бриться обычным лезвием он перестал в двухтысячном году, когда во сне увидел, как бритва срывается и перерезает сонную артерию. Каждое утро ровно в шесть ноль-ноль по его личному, нервно дергающемуся хронометру, мэр запускает под фундамент своей башни два малых тектонических заряда. Земля тяжело вздыхает, стены кабинета идут рябью.

— Еще крепко стоит. Безопасно, — выдыхает он, стирая с лица мыльную пену, смешанную с кирпичной пылью. — Контролируемый обвал. Главное — не терять контроля. Главное — предусмотреть.

Его стол завален картами. Но на них нет рек и дорог. На них обозначены траектории падения метеоритов, пути миграции саранчи, роза ветров для гипотетического цунами в местном пруду и график возможного восстания белок в Центральном парке.

— Вы слышали? — шепчет он своему секретарю, бледному юноше с вечно дергающимся глазом. — Вчера в Гидрометцентре барометр упал на два деления. Два! Вы понимаете, что это значит? Это значит, что завтра может случиться «вдруг». Это слово — «вдруг» — было его личным преследователем. Мэр построил вокруг него целую бюрократическую империю. На первом этаже Башни Обзора располагался Департамент Вечного «А Что, Если». Там тысячи клерков в серых костюмах строчат свои домыслы о будущем.

«А что, если мост рухнет именно в тот момент, когда по нему поедет кортеж?»

«А что, если в водопровод подмешают не просто яд, а яд замедленного действия?»

«А что, если солнце завтра просто не взойдет, потому что мы забыли совершить обряд его восхождения?»

Мэр кормил этого монстра своим пульсом. Его сон сократился до сорока минут в сутки, которые он выкраивал между проверкой замков на сейфе с запасными ключами от собственной спальни и прослушиванием экстренных частот, по которым передавали только белый шум.

Иногда, в редкие минуты, когда тектонический заряд давал осечку, мэр замирал. Он смотрел на свои руки, покрытые сеткой лопнувших капилляров, и в его воспаленном мозгу на долю секунды вспыхивал тихий, забытый свет. В такие моменты ветер за стенами Башни Обзора, казалось, менял направление, и сквозь свинцовую пелену доносился отзвук иных слов. Слов, которых не было в его городском обиходе.

«Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для [каждого] дня своей заботы», — шелестело в вентиляционной трубе голосом, который мэр слышал в глубоком детстве. **(Матфея 6:34).**

Но он тут же хватался за каску. — Довольно? — рычал он на трубу. — Довольно было Ною до потопа! Он тоже думал, что сегодня — это просто сегодня, а потом вода поднялась

выше кедров!

Он вскакивал и бежал к пульту с красными кнопками. Нажимал тумблер «Усиление паранойи». Башня вздрагивала, и Департамент Вечного «А Что Если» отвечал радостным стуком по клавишам компьютеров.

Мэр города Страха не был злым человеком. Он был самым ответственным человеком на свете. Он любил свой город исступленной, удушающей любовью утопающего, который вцепился в спасательный круг и топит им всех остальных, лишь бы круг не вырвало из рук. Он строил дамбы против слез, которые еще не были пролиты. Он ковал решетки для теней, которые еще не упали.

— Вы читали Иова? — спросил он однажды своего секретаря, единственного человека, которого допускали в Башню.

— Читал, господин Мэр.

— Видите! — торжествующе ткнул Мэр пальцем в раскрытую, зачитанную до дыр Книгу. — **«Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне» (Иов 3:25).** Вот! Великий праведник боялся, и его страхи сбылись! Значит, страх — это профилактика. Если бояться достаточно сильно и достаточно детально, можно напугать беду. Она подумает, что здесь уже занято, и пройдет мимо!

Секретарь молча смотрел на мэра, на его каску, на дрожащие колени, на карту падения метеоритов.

— А вы помните, что ответил Господь Иову из бури? —

тихо спросил секретарь, — Он не дал ему новый план эвакуации. Он просто показал ему бегемота. Он показал, что мир держится не на ваших расчетах, господин Мэр -, это было очень смело со стороны простого секретаря.

Но Мэр уже не слышал. В этот самый момент сейсмограф в углу кабинета дрогнул. Игла чертила на ленте крошечный, едва заметный пик. Мэр побелел.

— Началось, — прошептал он, падая на колени и нащупывая под столом шнур детонатора. — Я знал. Я знал, что под нами спит древний разлом. Я чувствовал это мизинцем левой ноги еще во вторник!

Он дернул шнур. Башня Обзора тяжело, прощально вздохнула. Мэр на целых тридцать секунд обрел краткий, оглушительный миг абсолютной власти над тем, что еще не случилось. Он сидел в клубах пыли, тяжело дыша, и улыбался. Завтра он прикажет углубить фундамент. На три метра. И прикажет выдать всему Департаменту Вечного «А Что, Если» двойные порции валерьянки и свинцовые стельки. На всякий случай. Вдруг гравитация решит изменить свой вектор.

Мэр города Страха давно разучился слушать тишину. Он слышал только гул приближающегося «вдруг». И этот гул был для него единственной музыкой, доказывающей, что он все еще прав, и все еще жив.

Заметили, как иногда необоснованно вползает к нам страх? Город Страх и Мэр-параноик — это развернутая ме-

тафора человеческой души, отказавшейся от упования на Бога в пользу тотального контроля. Башня Обзора — символ гордыни, попытка возвыситься над хаосом с помощью собственных расчетов. У Мэра есть маяки, на которые стоит смотреть — это стихи из Библии, но он поглощен катаклизмами, и не смотрит на то, что просто ему необходимо. Контроль для Мэра стал суррогатом веры, а страх — единственной доступной ему формой молитвы. Надеюсь, у нас с вами не так.

Мэр Призрачного мегаполиса каждое воскресенье может приезжать в Крепость на Скале как турист. Он покупает там открытки с видами вечности, фотографируется на фоне Храма и уезжает обратно в свой рушащийся город, так и не решив сменить прописку. Он восхищается прочностью чужих стен, продолжая лихорадочно латать дыры в своем городе.

Глава 7. Система водоснабжения

Этот город не найти на картах. Он не отмечен ни на одной долготе, ни на одной широте, но его очертания до боли знакомы каждому, кто хоть раз смотрел в зеркало. Он стоит на зыбком, золотистом песке, который жадно пьет любую влагу, но ничего не отдает взамен. Это не твердый влажный песок у кромки океана, который еще помнит прикосновение вечности, а на сухая, гордая пыль собственного самомнения. Архитекторы этого места — гордыня и спешка. Они возвели небоскребы из амбиций, проложили проспекты из тщеславия и возвели фундаменты из обид и на зыбкой трясине «я так хочу». Но самая страшная инженерная ошибка этого города кроется глубоко под землей, в его венах. В системе водоснабжения.

Трубы здесь проложены не под землей, а прямо сквозь сердца жителей. Главная водонапорная башня, уходящая шпилем в самое небо, стоит на Скале, о которой так просто и твердо сказано в Нагорной проповеди. От нее тянутся магистрали. В теории, вода в них должна быть кристальной, пахнущей вечностью и прохладой горных вершин. Это вода Жизни, о которой говорил Спаситель у колодца: **«А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь веч-**

ную» (Иоанна 4:14).

Но в этом городе у каждого своя задвижка. Здесь стоят краны эгоизма. Они блестят хромом, на них выбиты имена владельцев, и каждый уверен, что имеет полное право на свой собственный напор. Проблема лишь в том, из чего сделаны эти краны. Они выкованы из застарелой обиды, сплавлены с завистью и покрыты толстым слоем само жалости. И когда рука жителя поворачивает такой вентиль, чтобы утолить жажду, из него с тяжелым, утробным хлюпаньем вываливается ржавчина.

Это ржавчина подозрительности. Она скрипит на зубах, как песок. Это мутный осадок старых счетов, которые никто не пожелал простить.

Вся водопроводная сеть города — это бесконечная, запутанная, ржавая система эгоизма. Каждый дом здесь — это насосная станция. Каждый житель — эгоцентрик с разводным ключом. Трубы Симы намертво приварены к баку Стаса. Трубы Стаса хищно впились в резервуар соседки слева. Никто не качает воду сверху. Все только высасывают ее сбоку.

Откройте кран Стаса — и вы увидите, как вместе с водой течет тяжелая, багровая взвесь его правоты. Он годами копил ее, отстаивал в темных чуланах своего сердца. Он хотел пить, но вместо утоления жажды наглотался железного привкуса собственной непогрешимости. Соседний кран, принадлежащий его жене Симе, выдает воду с горьким при-

вкусом пепла. Это пепел сгоревших надежд. Она так долго подстраивалась под напор Стаса, так туго закручивала свои собственные желания, чтобы не раздражать его эго, что ее внутренняя труба просто проржавела насквозь от засухи. **«Сильна, как смерть, любовь», — гласит Песнь Песней (8:6)**, но в их доме поселилась не она, а ее железный антипод — равнодушие, которое крепче гранита. Их квартира — идеальная микрокопия Города на песке.

Сделайте глоток — и на языке останется металлический привкус зависти, густой осадок гордыни и тошнотворная муть подозрительности. Вода эгоизма никогда не бывает прозрачной. Она всегда мутная, потому что, проходя сквозь трубы себялюбия, она собирает всю гниль прошлого. Как сказано у Иеремии: **«Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды» (Иеремия 2:13).** Разбитые водоемы эгоизма не умеют хранить чистоту. Они лишь собирают тину.

Днем, когда солнце эгоизма стоит в зените, напор кажется отличным. Стас требует ужин ровно в семь, и Сима, скрипя невидимыми суставами, поворачивает свой заржавевший вентиль, выдавая услужливость. Стас открывает свой — и выдает деньги на хозяйство, но делает это с таким звоном, будто бросает медяки нищему. Они обмениваются этой ржавой водой, пьют ее, морщатся, но делают вид, что так и должно быть. Они называют это браком. Город называет это жиз-

нью.

Днем, под палящим солнцем суеты, напор еще держится. Системы работают на честном слове, на социальном статусе, на страхе осуждения. Люди носят маски, улыбаются на работе, имитируют бурную деятельность. Давление в трубах поддерживается искусственным шумом. Наступает полночь. Полночь в Городе на песке — это не просто смена цифр на часах. Это час, когда стихает дневная суета, когда умолкает громкая музыка самооправдания, и наступает кромешная, осязаемая тьма. Тьма, в которой становится видно, как глубоко в песок ушли сваи. Смолкает гул машин, гаснут неоновые вывески тщеславия, и город проваливается в звенящую пустоту. И в этой тишине система эгоизма дает сбой. В полночь напор всегда падает. Сначала до тонкой, жалкой струйки, а потом и вовсе иссякает. Слышно лишь тяжелое, астматическое клокотание в старых трубах — это хрипит иссохшая душа. Вакуум. Пустота.

Посмотрим на знакомую семью в одной из квартир. Сима и Стас живут в панельном доме на улице Твердолобых Упрямцев, в квартире номер тринадцать. Их утро начинается не с будильника, а с гидравлического удара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.